
Собрание сочинений в трех томах. Т. 3. М., Терра, 1994.

OCR Бычков М.Н.

С тех пор как у проститутки Сашки провалился нос и ее когда-то красивое и задорное лицо стало похоже на гнилой череп, жизнь ее утратила все, что можно было назвать жизнью.

Это было только странное и ужасное существование, в котором день потерял свой свет и обратился в беспросветную ночь; а ночь стала бесконечным трудовым днем. Голод и холод рвали на части ее щедушное, с отвисшею грудью и костлявыми ногами, тело, как собаки падаль. С больших улиц она перешла на пустыри и стала продаваться самым грязным и страшным людям, рожденным, казалось, липкой грязью и вонючей тьмой.

И раз морозной и лунной ночью Сашка попала на новый проспект, только осенью проложенный через обширный, покрытый ямами и свалками пустырь, на краю города, за насыпью железной дороги. Тут было пусто и молчаливо. Цепь фонарей неярко блестела в голубоватом лунном свете, торжественно и ровно обливавшем молчаливое поле. Черные тени в ямах чеканились резко и жутко, а столбы телеграфа и проволоки таинственно, как лунные привидения, ярко белели от инея в темно-синем небе. Воздух был чист и сух, и что-то резало в нем и жгло нестерпимым неподвижным морозом. От страшного холода, казалось, окаменело все в мире и как будто ко всему телу, к каждой выпуклой его части, было приложено раскаленное железо, и тело оставляя куски кожи, с кровью отрывается от него. Из рта облаком шел пар и тихо, незаметно таял в чистом морозном воздухе, поднимаясь вверх к синему свету.

У Сашки не было заработка уже пять дней, и накануне ее побили, выгнали с квартиры и отняли последнюю хорошую ватную кофту.

Странно и робко маячила по пустынному, залитому лунным светом шоссе ее маленькая скрюченная фигурка, и ей казалось, что во всем мире она одна и никогда не выберется из этого пустого поля, захватывающего дыхание холода и морозного лунного света.

Ноги у нее оледенели и ступали по скрипящему снегу с болью, точно по твердому камню окровавленной обнаженной костью.

И вот тут-то, посреди поля, Сашка в первый раз поняла весь бессмысленный ужас своего существования и стала плакать. Слезы катились из обмерзших воспаленных глаз и замерзали в ямке, где когда-то был нос, а теперь гной. Никто не видел этих слез, и луна по-прежнему светло плыла высоко над полем, в чистом и холодном голубом сиянии.

Никто не шел, и невыразимое чувство животного отчаяния, подымаясь все выше и выше, начало доходить до того предела, когда человеку кажется, что он кричит страшным, пронзительным голосом, на все поле, на весь мир, а он молчит и только судорожно стискивает зубы.

- Умереть бы... хоть бы помереть бы... - молилась Сашка и молчала.

И вот тут-то на белой дороге замаячила высокая и черная мужская фигура. Она быстро приближалась к Сашке, и уже было слышно, как снег скрипит прерывисто и звонко, и видно, как лоснится по луне барашковый воротник. Сашка догадалась, что это какой-нибудь из служащих на заводе, что в конце проспекта.

Она стала на краю дороги и, подобрав закоченелые руки в рукава, подняв плечи и перепрыгивая с ноги на ногу, ждала. Губы у нее были как из резины, шевелились туго и тупо, и Сашка больше всего боялась, что не выговорит ничего.

- Кава-ер... - невнятно пробормотала она.

Прохожий на мгновение повернул к ней лицо и пошел дальше, шагая уверенно и быстро. Но со смелостью последнего отчаяния Сашка проворно забежала вперед и, идя задом перед ним, неестественно весело и бравадно заговорила:

- Кава-ер... пойдемте... право... Ну, что там, идем!.. Я вам такие штучки покажу, что все животики надорвете... идет, что ли... Ей-Богу, покажу... Пойдем, миенький...

Прохожий шел, не обращая на нее никакого внимания, и на его неподвижном лице, как стеклянные и не живые, блестели от луны выпуклые глаза.

Сашка задом танцевала перед ним и, высоко подняв плечи, стонущим голосом, полным тупого отчаяния, задыхаясь от перехватывающего горло холода,